

Собственность (образ будущего)

Property (Image of the future)

Мерцалов В.Л.

канд. филос. наук.

e-mail: mertsalov50@mail.ru

Mertsalov V.L.

Candidate of Philosophical Sciences

e-mail: mertsalov50@mail.ru

Аннотация

В статье излагаются доводы, свидетельствующие о неадекватности современного теоретического представления о собственности как базисном общественном отношении. Критически анализируется отражение этого представления в нормах юридической надстройки. Предлагается переопределение содержания некоторых экономических и юридических категорий. Обосновывается тезис об архаичности налоговой системы и неизбежности ее отмирания. Предлагается модель безналогового экономического уклада, обеспечивающая полноценное финансирование государства и решение задачи осуществления прорывного развития экономики.

Ключевые слова: собственность, экономическое развитие, налоговая система, предпринимательство, риски, средства производства, продукт труда, рабочая сила.

Abstract

The article presents the arguments showing the inadequacy of the modern theoretical concept of property as a basic social relation. The reflection of this view in the norms of the legal superstructure is critically analyzed. The redefinition of the content of some economic and legal categories is proposed. The thesis about the archaic nature of the tax system and the inevitability of its withering away is substantiated. A model of a tax-free economic structure is proposed, which ensures full financing of the state and a solution to the problem of implementing a break-through economic development.

Keywords: Property, economic development, tax system, entrepreneurship, risks, means of production, product of labor, labor force.

Труднее всего объяснить простые ответы на сложные вопросы. Причем, чем умнее человек и чем проще ответ, тем труднее ему его объяснить. Умный человек исходит из того, что у сложной проблемы не может быть простого решения. И поэтому «с порога» отвергает его, даже не имея против него возражений. Но на практике простое решение всегда эффективнее сложного. Оно ускользает из внимания именно потому, что слишком очевидно, слишком «лежит на поверхности». Его подсказывает сама природа, у которой просто нет такого количества сложных решений, каких человек в ней ищет. Причем, похоже, что как раз на сложные вопросы у нее вообще нет других ответов, кроме простых.

Страна нуждается в быстром подъеме экономики. Быстром не по черепашиным меркам – лишь бы не отстать, «добиться темпов роста не меньше общемирового» и т.п., – а по меркам, отвечающим величию самой страны, роста теми темпами, которыми она в своей истории уже не раз выходила из спячки,

которые ей вполне по силам. Добиться роста стремительного, прорывного, значительно опережающего показатели других стран. Добиться взлета экономики!

Но нет опоры. Ни у кого нет понимания того, что могло бы расшевелить страну. Ведутся наводящие тоску дебаты о необходимости реформирования модели управления экономикой, о ее ускоренной цифровизации и т.п. Но это все паллиативы. Они выглядят так, как если бы нам предстоял долгий путь, но колеса телеги скрипят, с трудом проворачиваются. И вот кто-то предлагает хорошенько смазать их дегтем («модернизация модели управления»), кто-то посадить телегу на рессоры, дескать, оттого ход будет и легче и быстрее («внедрение достижений научно-технического прогресса»), но и бричка, и карета в сущности все равно остаются телегой. Эти предложения заведомо слабы уже по той причине, что такие же средства имеются в распоряжении и других стран. К тому же стартовые условия в нашей стране для их применения отнюдь не лучшие.

Вряд ли кто станет спорить с тем, что для взлета экономике России нужны не поверхностные «реновации», а коренное обновление всего ее уклада. А значит – материального базиса общества.

По представлению классиков марксизма, базис общества – это «материальная жизнь индивидов, отнюдь не зависящая просто от их «воли»» [2, с. 322]. Исторически базис стихийно складывался как каркас союза индивидов, выходящих из животного состояния, союза нового типа, именуемого «обществом». Животный – стадный – кодекс поведения с возникновением общественного базиса и в человеческой среде не отменялся, но дополнялся новыми правилами, обеспечивающими выживание и развитие не столько отдельных индивидов, сколько всего их союза. Законы базисных отношений имели ту же силу, что и любые другие объективные законы – физические, биологические и пр. Но в ходе эволюции общества, на рубеже восхождения человека мыслящего (социального) к человеку самосознающему, на основе этого материального базиса образуется новая конструкция – идеологическая надстройка. Ее возникновение было обусловлено появлением новой формы отношений людей – отношений собственности.

Следствием имущественных споров явилось становление института судейства, а вслед за ним и государства. Рост числа и многообразия имущественных коллизий вызвал необходимость создания свода правил хозяйственного поведения. Эти правила имели императивный характер, их нарушение каралось. В результате сложилась юридическая надстройка, по силе регламентирования поведения людей во многих случаях превосходящая силу, исходящую от материального базиса, более того, претендующая на подмену его. Некий второй, «юридический базис». Его появление, конечно, тоже было объективно обусловлено, но сам он явился не более чем результатом декретирования интересов наиболее влиятельного общественного сословия. Иными словами, он создавался в условиях, когда люди решили, что их поведением должны управлять уже не объективные законы их собственной природы, а правила, которые они сами придумают для себя. В той мере, в какой эта юридическая надстройка, этот искусственный «базис», соответствовал материальному, он обеспечивал свободное развитие экономики за счет наличных производительных сил. В той мере, в какой его нормы расходились с последним, он тормозил экономическое развитие общества, обуславливая череду восстаний и революций, влекущих переписывание этого «базиса», т.е. смену общественно-исторических формаций.

Теперь мы тоже стоим перед задачей революционного масштаба. Поэтому попробуем сравнить материальный и юридический базисы, чтобы понять, нет ли в

последнем норм, противоречащих естественным условиям экономического существования людей – противоестественных норм.

«В общественном производстве своей жизни, – писал К. Маркс, – люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [3, с 6-7]. Эти отношения, юридическим выражением которых являются отношения собственности [3, с. 491], регулируются столь же объективными, не зависящими от воли людей, законами, которые, будучи адекватно отражены в юридических формулировках, и должны составлять содержание юридического «базиса». В нашей стране этот «базис» представлен Гражданским Кодексом РФ. Обратимся к нему. Как в нем декларируются отношения собственности? В какие нормы права они обличены? Как формулируется само право собственности?

Удивительно, но – никак! Вернее сказать, оно изображается в нем настолько противоречиво и бестолково, что, кажется, авторам соответствующих статей было бы лучше вообще обойти этот вопрос стороной. Так, в ст. 209 («Содержание права собственности») утверждается: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом» (ч. 1). Это значит, что содержание права собственности раскрывается через содержание трех названных правомочий. Но они в Кодексе никак не истолковываются! Более того, коль скоро собственником признается лицо, обладающее этими правомочиями, то, надо полагать, лицо, их не имеющее, собственником признано быть не может. Но в той же статье читаем: всякое лицо может передать «другим лицам... права владения, пользования и распоряжения имуществом, ...оставаясь собственником» (ч. 2). Что это означает, т.е. что остается у собственника как собственника, если из его права собственности вынуть все ее содержание, указанное в ч. 1? Об этом Кодекс умалчивает. То есть в пределах Кодекса, в пределах юридической надстройки представление о собственности повисает в воздухе. Конечно, сам Кодекс не обязан содержать определение всех своих понятий. Это задача других источников, предназначенных как раз для толкования используемых в нем терминов, для толкования, отвечающего актуальному представлению об их содержании, господствующему в юридической и экономической науке. Такими источниками являются специализированные словари и энциклопедии. Поэтому обратимся, например, к Большой юридической энциклопедии.

Вот что говорится в ней о трех правомочиях собственника. «Владение – в гражданском праве – одна из форм права собственности; фактическое обладание вещью, создающее для обладателя возможность непосредственного воздействия на вещь»; «Распоряжение – в праве РФ: одно из правомочий собственника вещи, позволяющее включать ее в экономический оборот путем совершения таких распорядительных сделок, как купля-продажа, мена, поставка, дарение и др.»; «Пользование – одно из основных правомочий собственника. Заключается в праве потребления вещи в зависимости от ее назначения (эксплуатация имущества, получение плодов и доходов, приносимых им, и др.)» [1]. Но что можно понять из этих определений? Пожалуй, только то, что, во-первых, между этими правомочиями нет никакого различия. Действительно, что такое «потребление вещи» (т.е. пользование), как не «фактическое обладание вещью» (т.е. владение)? Разве «эксплуатация имущества» (пользование) не означает включение этого имущества в «экономический оборот» (распоряжение), а «продажа» имущества

(распоряжение) – «получение доходов» от него (пользование)? И что такое «дарение» (распоряжение) как не акт «воздействия на вещь» (владение)? Из этого следует, во-вторых, что названия этих правомочий можно произвольно менять местами (например, «владение» назвать «пользованием», а «пользование» – «распоряжением») и от этого ровным счетом ничего не изменится в представлении о них. Иначе говоря, их содержание можно «переливать» из одного в другое и как угодно смешивать без всякого для них ущерба. Наконец, в-третьих, где же здесь общество? Где здесь собственность как «общественное отношение», как «производственные отношения» людей друг к другу, а не людей к вещам? В них мы видим указание лишь на связь человека с вещью («непосредственное воздействие», «потребление» и т.п.), другие же люди остаются в тени и фигурируют только намеком, как предполагаемые партнеры в «сделках купли-продажи» или «дарения».

Все это дает повод заключить, что названные правомочия не имеют ничего общего с реальным отношением собственности. Их содержание искусственно, надуманно, фальшиво. Они – карикатура, причем карикатура неряшливая, корявая, даже эстетически неприглядная, карикатура, которой можно удовлетвориться в общении с вещами, но которая непригодна и даже опасна в предметном общении с людьми.

Так обстоит дело с теоретическим осмыслением фундаментального, базового общественного отношения.

Впрочем, удивительно не это беспомощное состояние теории. Личностная форма существования человечества еще молода, она переживает лишь этап своего становления. Ее концептуальное отражение еще не оформилось. А то удивительно, что рыхлость, противоречивость, бессвязность современной теории ею самой как будто никак не сознается. Издается множество книг и статей, авторы которых так или иначе берутся рассуждать о собственности, не только не имея о ней никакого представления, но и не отдавая себе отчета в отсутствии этого представления. При этом далеко не всегда мотивом подобных публикаций является корыстный интерес – научная карьера, приобретение званий, степеней, должностей, премий, грантов и т.п. Многие из них создаются, будучи продиктованы искренним стремлением к развитию теории, поиску действительного решения той или иной насущной проблемы. Но в целом и теоретической экономике, и экономической юриспруденции не хватает той честности, которую, например, продемонстрировал в свое время И. Ньютон, когда, сформулировав теорию всемирного притяжения, признался, что ничего не знает о природе сил, обуславливающих «взаимное влечение» тел друг к другу: «...Я изъяснил небесные явления и приливы наших морей на основании силы тяготения, но я не указывал причины самого тяготения. ...Причину... свойств силы тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю» [5, с. 611]. Не хватает нашим велеречивым аналитикам собственности смелости признать, что они не знают, что такое собственность.

Между тем, определить корректно и внятно названные правомочия не так уж и сложно. Вот, для примера, один из вариантов.

Оговорив право собственности на основе отношения собственности как право комплексное, образуемое тремя указанными выше правомочиями, можно было бы истолковать их следующим образом.

Право пользования – это право на извлечение из объекта собственности полезных с точки зрения собственника свойств.

Право распоряжения – это право определения субъекта и формы пользования.

Право владения – это право определения субъекта и формы распоряжения.

Смысл этих определений весьма прост. Пользование объектом включает в себя все, что в цитированной Энциклопедии отнесено к содержанию трех правомочий. Но чтобы извлечь из объекта собственности его полезные свойства, надо располагать и временем, и необходимыми силами, и соответствующей квалификацией. Сам процесс извлечения этих свойств есть не что иное, как *труд*. А если для полноценного использования объекта собственных возможностей самого пользователя оказывается недостаточно, он может прибегнуть к возможностям других лиц. Он может передать им полномочие пользования, т.е. сдать свою собственность в аренду. Он может и нанять их, уже не передавая, а поручая им осуществление этого правомочия. Но и передача, и поручение на исполнение правомочия – это уже не пользование объектом, это действие, адресованное не объекту, а людям, поведение качественно иного рода. Это не акт «общения с вещью», а акт общения с людьми – со всеми людьми – общественный акт. Совершая его, собственник реализует другое свое право – право распоряжения. Распоряжение – это «директорское правомочие». Осуществление его тоже есть труд – труд административный, предполагающий наличие особой квалификации, которой у собственника тоже может не быть. Поэтому (или по иным причинам) он и его может поручить третьему лицу, выступив в роли владельца. И только эту роль он никому не может передать, не утратив титула собственника. Таким образом, из этих трех правомочий отчуждаемыми (самоотчуждаемыми) являются только два – пользование и распоряжение. Причем, делегирование их другим людям не означает утраты их самим собственником. Они сохраняются за ним в полной мере. Правомочие же владения является неотчуждаемым. Точнее, отчуждаемым лишь вместе с правом собственности во всем его объеме.

Непонимание того, что есть собственность, благоприятствует тому, что в юридическом кодексе укореняются противоестественные догмы, влекущие губительные для экономики последствия. Одна из них – убеждение в том, что в основании права собственности на продукт труда лежит право собственности на средства производства.

На самом деле средства производства – это не более чем часть номенклатуры продуктов труда, одна из его категорий. Понятие «продукт труда» шире по объему, чем понятие «средства производства». Первое включает в себя второе. Поэтому сама собственность на средства производства не может иметь другого основания, кроме того, какое имеет собственность на продукт труда. Будучи приобретена на этом основании, она не может служить основанием собственного основания. Право собственности на средства производства можно рассматривать как одно из технических условий (юридических источников) возникновения права собственности на продукт, но никак не основание самого права собственности на него.

Основанием права собственности на продукт труда в материальном базисе общества служит право собственности на труд. Затраты своего труда делают своим и результат этих затрат. Субъект обретает общественное признание себя собственником продукта своего труда именно потому, что этот продукт представляет собой итог «кристаллизации» (К. Маркс) его собственного труда. Этот продукт может представлять собой и некое средство производства, для использования которого собственник может привлечь чужую рабочую силу. Но и в этом случае право на присвоение результата затрат чужой рабочей силы возникает из собственности на средства производства лишь постольку, поскольку

сама она основывается на праве присвоения собственного труда. Таким образом, собственность на средства производства – это производное, вторичное право.

Но если изобразить его правом, определяющим весь уклад экономики, тип общественно-экономической формации, и в этом качестве положить в основу теории, то содержание теории в корне меняется. Собственность на труд в этом случае уходит в тень и сама оказывается вторичной, производной от собственности на средства производства. Теория переворачивается с ног на голову. Именно такой теорией руководствовались в свое время большевики, провозглашая целью революции «обобществление средств производства». Не «труда» и не «продукта труда» – такая цель, будучи заведомо утопичной в глазах самих большевиков, наверняка не нашла бы никакой поддержки и в обществе. Но идея изъятия у капиталистов их средств производства, средств эксплуатации пришлась народу настолько по душе, что большевикам удалось захватить власть в стране. «Обобществление» обернулось «огосударствлением», причем, не только средств производства, но и всего общественного труда, что в конечном итоге и привело к краху «социалистического строя». Насажением ложной теории и подчинением экономики страны искусственному юридическому «базису» не удалось преодолеть силы базиса материального.

Однако этот опыт реализации негодной теории, как ни странно, ничему не научил тех, кто взялся вывести страну из кризиса в девяностые годы. В своей практике они прибегли все к той же, на голове стоящей и сокрушительно обанкротившейся теории, к учению об «определяющей роли собственности на средства производства». В итоге средства производства были в кратчайшие сроки приватизированы, а страна еще больше разорена.

Заметим, что тем временем другая страна, руководствуясь скорее доводами здравого смысла, чем какими-либо теоретическими иллюзиями, пошла по пути самой мягкой реализации второй концепции – признания права собственности работника на свой продукт. Поворот на этот путь разбудил в обществе предпринимательскую инициативу и, хотя на осуществление реформы потребовалось гораздо больше сил, чем было положено на приватизацию в России, и растянулась она на годы, сегодня, глядя на Китай, мы уже можем созерцать ее результаты. Россия и Китай – два зримых примера воплощения этих двух концепций.

Деятельность здорового человека всегда имеет цель. Целью производственной деятельности является прибыль, приносимая результатом труда. Не будь у субъекта экономики этой цели, не было бы и самой экономики. Причем, условием достижения работником такой цели является возможность присвоения результата своего труда. Без перспективы его присвоения работник утрачивает какой-либо мотив к созидательной деятельности. Вступая в отношение с обществом по поводу продукта своего труда, работник получает от общества признание себя собственником этого продукта. Юридическим выражением этого признания служит закон, декларирующий право собственности. Никакого другого основания ни у собственности как таковой, ни у права собственности, кроме принадлежности труда, воплощенного в его результате, в природе не существует. Чей труд вложен в продукт, тому этот продукт и принадлежит. Это тот фундамент, то базисное отношение, на котором строится вся архитектура экономики. (Мы не рассматриваем противоправные способы присвоения продукта – завоевания, грабежи и пр., – не имеющие никакого отношения к естественному хозяйственному устройству общества).

Однако в процессе труда работник может использовать как собственную рабочую силу, так и чужую. И с этим обстоятельством связано еще одно заблуждение, присущее учению о собственности. Оно заключается в том, что

рабочая сила якобы является товаром, что она может быть объектом купли-продажи.

Акт купли-продажи представляет собой одну из форм сделки, а именно, ту, обязательным условием которой является перемена собственника. Собственник денег утрачивает право на них, передавая их продавцу, а продавец, совершая сделку, утрачивает право на свой товар, который становится собственностью покупателя. Покупатель признается новым полноценным собственником товара, т.е. лицом, которое ни продавцом, ни кем бы то ни было еще не может быть ограничено ни в законных сроках, ни в законных формах использования своего приобретения. Необходимым требованием для совершения такого акта является возможность отчуждения товара от продавца. Но рабочая сила неотчуждаема от ее обладателя. Она – свойство человека. И подобно тому, как нельзя пользоваться свойством объекта без объекта, скажем, фасоном сюртука без самого сюртука или весом мерной гири без гири, нельзя продать рабочую силу человека без самого человека. Так что если предметом продажи не является сам человек, то не является таким предметом и его рабочая сила.

Но вот право пользования ею, как было сказано в предложенной выше трактовке права собственности, является отчуждаемым. Может ли работник вынести на рынок право пользования своей рабочей силой в качестве товара? Конечно! Но, передавая другому только это право, сам он остается собственником своей рабочей силы и, как ее собственник, именно он определяет и сроки, и формы пользования ею. Он продает только право употребления другим лицом своей рабочей силы как силы самого этого лица. Продает это право на своих условиях. Но это уже сделка не купли-продажи рабочей силы, а сделка ее *аренды*. Таким образом, на рынке рабочей силы, если речь идет не о рабовладельческом рынке, рабочая сила выступает в качестве объекта аренды, но вовсе не купли-продажи.

По естественному порядку вещей, диктующему склад объективного общественного базиса, собственником продукта труда является вовсе не владелец средств производства, а владелец той рабочей силы, затратами которой создается этот продукт. Полезное свойство рабочей силы как объекта владения как раз и заключается в возможности превращения ее затрат в товарный результат. Собственник рабочей силы может употреблять ее самостоятельно и по своей воле, но может – именно как ее владелец – сдать ее в аренду другому лицу с правом пользования ею на условиях арендодателя по воле этого лица и в его интересах как своей собственной, включая право обращать результат ее затрат в свою собственность. В этом случае труд, совершаемый за счет затрат рабочей силы арендодателя, воплощается в конечном продукте как труд арендатора. Именно это обстоятельство и решает вопрос о том, кто является собственником продукта.

Надо сказать, что К. Маркс, построивший все свое учение на представлении о рабочей силе как о товаре, прекрасно понимал разницу между сделками купли-продажи и аренды, и поэтому видел то противоречие, в котором его концепция оказалась с реальной практикой найма рабочей силы на капиталистическом рынке труда. С одной стороны, он утверждал, что наемный работник продает свою рабочую силу, что она фигурирует в сделке с покупателем как рядовой товар. «Он (владелец рабочей силы – В.М.) и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупатель, а другой — продавец, следовательно оба — юридически равные лица» [4, с.178]. Но тут же был вынужден делать и невразумительную оговорку: «Как личность, он («свободный продавец» рабочей силы – В.М.) постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, а потому как к своему

собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь временно, лишь на определенный срок, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее» [4, с.178]. Как можно *продать* товар и при этом остаться его собственником? Кто станет на таких условиях платить за товар? Или деньги, перейдя в руки продавца, тоже останутся в собственности покупателя? А если собственником товара в результате сделки купли-продажи все же становится покупатель, то может ли продавец диктовать ему сроки пользования этим товаром? К. Маркс и сам, конечно, понимал, что в данном случае речь идет не о купли-продажи рабочей силы, а именно об аренде. Но признание этого факта в корне изменило бы все содержание его теории. Смириться с этим он не мог, и поэтому продолжал выстраивать свою концепцию в согласии с противоречащим реальности представлением о рабочей силе как товаре. С представлением об «отделении собственности от труда» [4, с. 597]. С представлением, из которого можно вывести внушительное учение, но которое не имеет ничего общего с объективной действительностью базисных отношений.

Теперь посмотрим, как реализуется в законодательстве России право собственности на продукт труда.

Потребительная форма этого продукта в условиях товарного производства так же мало интересует его создателя, как и средства производства. Для него важна лишь меновая стоимость продукта, возможность обратить ее в деньги. Будучи собственником этого продукта, он рассчитывает оставаться собственником и денег, вырученных от его продажи. Тем более что его право собственности на них защищает и Конституция РФ (ч. 2 ст. 8; ст. 35; п. «е» ч.1 ст. 114), и Гражданский кодекс, провозглашающий неприкосновенность собственности уже в первой статье. Но надежна ли эта защита, да и осуществляется ли она вообще на практике?

На практике предприниматель может быть признан законным собственником вырученных денег лишь при условии, что он *заплатит налог*, т.е. отдаст государству часть своей выручки. Это условие как-то упускается из внимания, но оно не просто меняет представление о праве собственности, не просто вносит в него какие-то коррективы. Нет! Оно совершенно, начисто лишает его какого-либо смысла!

Вот перед нами два лица: предприниматель и государство. Между ними деньги. И в условиях действующего «юридического базиса» их полномочия распределяются следующим образом. Государство решает, какую часть этих денег взять себе, а какую оставить предпринимателю. Оно же определяет, в каком порядке и в какие сроки предприниматель должен принести ему назначенную подать. А если предприниматель нарушит условия, выставленные государством, то государство по своей воле, оглашенной в форме закона, устанавливает, как наказать ослушника и как все же изъять свою долю из его выручки. Сам же предприниматель в судьбе своих денег совершенно бесправен. Спрашивается: кто же из этих лиц является подлинным собственником выручки предпринимателя? Кто из них собственник меновой стоимости произведенного товара?

Казалось бы, ответ очевиден: уж никак не предприниматель. Собственник всей выручки предпринимателя – государство. Но такой ответ абсурден.

Государство – это своеобразное «юридическое лицо». А «юридическое лицо» – это персонаж воображаемый, фиктивный, в реальности не существующий. Такое «лицо» не способно ни пользоваться реальными вещами, поскольку не обладает «рабочей силой», следовательно, не способно к труду, ни распоряжаться по поводу объектов пользования, поскольку, будучи бестелесным,

не имеет даже средств изложения своих распоряжений. Не может оно и владеть никаким объектом собственности, поскольку, как таковое, не имеет никаких потребностей и интересов. В реальном мире такого собственника нет. Он столь же реален, как тот, «кто сшил костюм» в миниатюре А. Райкина. Ему нельзя «заглянуть в глаза». На вопрос: «Ты кто?», – отвечает: «Мы», – и выходят люди с совершенно человеческими, отнюдь не юридическими лицами. Ребенок верит в Деда Мороза и Бабу Ягу, немного повзрослев – в Афродиту и капитана Немо. В зрелые годы – в биополе и юридическое лицо. Но веры мало для его материализации. Оно – лицо иллюзорное, фантазийное, поэтому в лучшем случае ему можно приписать фантазийное пользование, фантазийное распоряжение, в конечном счете – фантазийное право собственности. На деле же правомочия собственника доступны лишь реальным, живым, деятельным людям.

Конечно, люди могут объединяться в те или иные производственные коллективы, избирая или иным путем выделяя из таких же, как они, людей своих руководителей, поручая им принятие соответствующих решений и даже называя свой союз условным именем «юридического лица». Но решения все равно будут принимать люди, а не это «лицо». И люди же, а не оно, будут осуществлять процесс реального производства реального продукта. Надо совершенно оторваться от действительности, чтобы придать воображаемой фигуре материальные права и уравнивать ее с фигурой действительного субъекта производства – уравнивать «физическое лицо» с «лицом юридическим». Но именно трюк и проделывают теоретики юриспруденции, когда на поприще действительной экономики вводят фантастическую фигуру «юридического лица» в качестве полноценного собственника.

Государство собственником не является и являться не может уже по определению собственности. Повторим еще раз: собственность – это юридическое наименование материальных отношений *людей*. Людей друг с другом, а не с воображаемыми персонажами. Государство не совершает производительного труда, результатом которого оказывался бы товарный продукт, вмещающий в себя то количество труда, мерой которого как раз и служит меновая стоимость продукта. Никаких прав на стоимость этого продукта, кроме произвольно присвоенных себе, оно не имеет. А присвоив себе право на изъятие части этой стоимости, тем самым лишив права собственности *на всю стоимость* продукта его производителя, оно и само не может выступить собственником присваиваемой доли. Такое деяние на корню убивает сам институт собственности. Иными словами, в обществе, в котором действует налоговая система, юридического института собственности нет как такового. Нет не только мифических государственной, муниципальной, корпоративной собственности «юридических лиц», но нет и частной собственности «лиц физических» – действительных людей. Но поскольку без собственности общество существовать не может, постольку подлинное отношение находит выражение в пародии на него – как настоящий кофе в желудевом.

Так что же защищает законодательство, провозглашая «неприкосновенность права собственности»?

Уродливую, противоречивую карикатуру объективного базисного отношения собственности.

Устранить из экономической практики само объективное отношение, а в юридических фантазиях о нем совершенно игнорировать его, разумеется, невозможно. На нем держится вся конструкция общества, все его институты, оно представляет собой то материальное бытие, которым определяется общественное сознание. Но коль скоро в законе о нем оно отражается в исковерканном виде, этот закон волей-неволей вступает в конфликт с объективным отношением

собственности. Руководствуясь представлениями, порожаемыми материальным базисом, люди вынуждены сознательно уклоняться от исполнения юридических предписаний, отчего в экономике создается огромный сектор противоправного предпринимательства. И главным источником этого конфликта служит налоговая система.

Вся история экономики есть история приращения свободы субъекта хозяйственной деятельности. Казалось бы, к нашим дням экономика наконец-то стала по-настоящему свободной. Во всяком случае, обществу внушается убежденность в этом. Но это миф. Экономическая свобода и сегодня – не более чем иллюзия. Экономика любой страны и сегодня тотально подчинена административному диктату. В ней по-прежнему господствует неэкономическое принуждение, осуществляемое через систему налогообложения.

И логика исторической эволюции общества к свободе, и логика современных экономических потребностей подсказывают вывод: налоговая система должна быть упразднена. Но этот очевидный вывод у многих экономистов вызывает отторжение и даже негодование. И первый довод, который выставляется против нее, сводится к тому, что без налогов государство лишится финансирования, а общество – государства. Поскольку это недопустимо, постольку, дескать, недопустим и отказ от налоговой системы. Такой довод основан на убеждении в том, что материальные отношения государства и общества могут осуществляться лишь в принудительной форме. Конечно, убеждение это имеет вековые исторические корни, но разве кто-нибудь доказал его справедливость или хотя бы безальтернативность?

На самом деле вопрос заключается вовсе не в том, надо сохранять налоговую систему или нет, и даже не в том, можно ли ее сохранить – она исторически обречена, себя уже изжила и в современной экономике выглядит лишь как клочок шерсти архаичного насилия, – а в том, чем она может быть заменена в качестве инструмента наполнения бюджета и экономического регулирования. Налоговая система представляет собой могучий тормоз хозяйственного развития любой страны. В том числе и России. Так можно ли взамен налоговой системы предложить иной механизм материального обеспечения государства, а если можно – то какой именно?

За ответом на него обратимся к сфере реального предпринимательства.

Как уже говорилось, целью всякой предпринимательской деятельности является получение дохода. А главной проблемой всякого предпринимателя является снижение уровня рисков его получения. Обнулить все риски невозможно по самой природе хозяйственной деятельности. Но есть группа рисков, в снижении которых государство могло бы помочь предпринимателю. Это – риски, связанные с недобросовестностью партнеров.

Свести к минимуму эти риски можно было бы, например, за счет введения в действие государственной программы гарантирования безубыточности добросовестного гражданского оборота.

Суть этой программы в самом кратком изложении могла бы сводиться к следующему. Предприниматель заключает со своим партнером (или партнерами) законный договор и в момент его заключения перечисляет в бюджет некоторый процент от цены договора. Этот процент является платой за приобретение гарантии, государственной страховки его безубыточности. В случае, если договор окажется не исполнен по вине партнера, предприниматель получает из казны всю причитающуюся ему по договору выплату, а взамен в порядке цессии передает государству свои права требования по договору. В итоге, заключив добросовестный договор и исполнив по нему свои обязательства, он приобретает гарантию получения той прибыли, на которую рассчитывал.

Такая программа на первый взгляд кажется утопичной. Но только на первый и очень предвзятый взгляд.

В самом деле, что в ней неисполнимо? Например, возможность денежных выплат предпринимателю. В реальной экономике очень многие договоры не соблюдаются по тем или иным позициям – временным, номенклатурным и т.д. Взаимные претензии обычно согласовываются в процессе контактов сторон. И только в крайнем случае выносятся в арбитраж. Но и их хватает, чтобы арбитраж был переполнен подобными исками. А что произойдет, если предприниматель, обнаружив факт хотя бы некорректного соблюдения договора, потребует исполнения государственной гарантии? Откуда государство возьмет столько денег, чтобы выплатить каждому пострадавшему предпринимателю всю сумму его договорной выгоды?

Но в том-то и дело, что при разумном подходе к этой проблеме государству для выполнения своих обязательств деньги могут и вовсе не понадобиться. Более того, их исполнение может послужить дополнительным источником дохода. Выплату пострадавшему предпринимателю, особенно в начальном периоде реформы, государство может осуществлять не «живыми деньгами», а, например, долговыми ценными бумагами, подобными облигации или векселю, со сроком погашения, скажем, до года. Если предпринимателю все же понадобятся «живые деньги», он эту ценную бумагу сможет достаточно быстро и без существенного дисконта продать на фондовом рынке, на котором, едва появятся эти бумаги, наверняка появятся и площадки для их оборота. А государство, приобретя права на истребование долга с провинившегося «партнера», сможет в течение этого срока не только взыскать с него этот долг целиком, но взыскать и с договорными процентами за просрочку, и со штрафом за недобросовестность, который может быть предусмотрен законом. В результате, по истечении срока обращения бумаги, у него будет достаточно средств для ее погашения. Средств не бюджетных, а взысканных с недобросовестного «партнера» – средств самого этого «партнера». Конечно, и государство будет подвержено риску невозможности получения долга «партнера», но, во-первых, у государства гораздо больше возможностей для его истребования, чем у предпринимателя, а во-вторых, оно может минимизировать эти риски как раз за счет упомянутого штрафа и иных обременений мошенника.

Каким образом добросовестный предприниматель сможет заявить государству о своем намерении получить от него деньги за нарушенный договор? Очевидно, что через суд. При этом для исков подобного рода судебная процедура должна быть специально регламентирована. Она должна быть максимально сжата по срокам и предполагать вынесение безапелляционного решения. Суду для этого понадобятся отчетливые критерии нарушения договора. А значит, эти критерии должны будут содержаться в самом договоре. Иными словами, при заключении сделки стороны должны будут договориться о том, нарушение каких именно пунктов и какое именно нарушение они готовы признать фактом нарушения договора в целом и включить эти положения в текст договора. Иные нарушения судом рассматриваться не станут. В этом случае судебная процедура окажется не сложнее, чем процедура рассмотрения исков по опротестованным векселям. Получив же на руки решение суда, предприниматель сможет обратиться в ближайшее казначейство или даже в свой банк за выплатой причитающейся ему страховой суммы.

Будет ли приобретение государственной гарантии, т.е. страхование безубыточности своего бизнеса, добровольным или принудительным? По самому смыслу этой сделки гражданина с государством она не может быть никакой иной, кроме как добровольной. Предприниматель будет вправе отказаться от нее. Но

своим отказом он лишь создаст для своего партнера соблазн обмануть его. Будучи обманут, он сможет, разумеется, обратиться в арбитраж в том же порядке, в каком обращается сегодня. Но тогда он должен будет принять на себя и все потери, связанные с решением вопроса в этом порядке. Причем, без гарантии получения удовлетворяющего его решения. Выбор останется за ним. Принуждение же к страхованию бизнеса неизбежно повлечет появление массы фиктивных договоров, вал иных мошенничеств, разорительных для государства и экономики страны.

Если страхование бизнеса будет добровольным, станет ли оно пользоваться спросом? Поскольку оно позволяет облегчить предпринимателю решение его главной проблемы – гарантировать получение дохода, – постольку, вероятно, спрос на нее будет достаточно высок. Но, конечно, уровень спроса будет определяться его ценой. Тем процентом от цены договора, который запросит за свою гарантию государство. Но дело в том, что оно не сможет назначать этот процент по своему усмотрению. В конечном счете, он будет определяться не государством, а обществом. Государство сможет лишь предложить обществу тот или иной процент отчислений по сделкам гражданского оборота, выплаты в соответствие с которым обеспечат надежное финансирование всех социальных, оборонных, экономических, научных и прочих государственных программ. Оно предложит обществу некое «меню», т.е. реестр своих программ с указанием цены каждой позиции и той конечной цены государства, которую позволит оплатить запрашиваемый процент. Располагая несколькими подобными «меню», общество само решит, какое из них предпочтительнее. А свое решение оно сможет объявить на выборах Президента страны, отдавая голоса за того претендента, чье «меню» придется ему более других по вкусу.

Заявленная модель страхования безубыточности предпринимательства порождает множество и иных вопросов. В большинстве своем сугубо технических, организационных. Но упомянута она здесь не для того, чтобы претендовать на реализацию как единственная. Возможно, имеются и другие, лучшие модели принудительного финансирования бюджета, более эффективные и дешевые. Она представлена здесь лишь для того, чтобы продемонстрировать возможность замены налоговой системы, возможность освобождения от нее. Возможность, которая уже стучится в дверь с настойчивостью необходимости.

В самом деле, сравним экономику с налоговой системой и экономику с системой страховой.

Для первой характерен режим тотального принуждения хозяйствующих субъектов, административного контроля результатов их деятельности. Хотя каждый из предпринимателей и сознает необходимость содержания государства, никто не чувствует *личной* заинтересованности в этом, *своей* выгоды от налоговых платежей. Зато каждый отчетливо сознает тот ущерб, который эти платежи приносят его бизнесу, и поэтому стремится любым способом минимизировать их. Главный из них – обман государства. Обман, мошенничество становятся нормой в диалоге предпринимателя с государством, а вместе с тем, по необходимости, и с партнерами. Возникает сектор теневой экономики, размер которой не поддается достоверному учету. Налоговая преступность делается привычным явлением общественной жизни. Преступность, провоцируемая самим государством. Преступность, следствием которой являются множества искалеченных человеческих судеб и тысячи закрытых производств. Налоговая система душит экономику, а государство получает от предпринимателя лишь тот минимум средств, который из-под палки удается у него урвать.

В условиях страховой системы финансовая деятельность предпринимателя государством не контролируется. Он свободен в распоряжении законно заработанными деньгами. Всякий работник, предприниматель становится полноценным собственником, а право собственности делается по-настоящему неприкосновенным. Платить ли государству за страховку своего бизнеса или нет – он решает сам. Если не захочет платить, то справляться с проблемой гарантирования своей прибыли ему придется самому. Если заплатит – это становится проблемой государства. Он будет понимать, за что платит, какую этот платеж приносит выгоду ему лично, а значит, преследуя свой интерес, будет платить добровольно. Деньги потекут в казну самотеком, без какого-либо принуждения. Исчезнет теневой сектор, исчезнет само явление налоговой преступности – честные, законопослушные граждане смогут не рисковать свободой, начиная свой бизнес. Обман государства лишится смысла. Бухгалтерия из формы отчетности вернется к своему исконному предназначению – быть формой учета. Сделается невыгодным и обман партнера – тот в любом случае будет защищен гарантией государства, а к обманщику, если он окажется разоблачен, обязательно придет рассерженный чиновник службы взысканий с длинным счетом в руках. (Подумать только: «Обман в бизнесе – дело заведомо убыточное». Да когда ж такое было? Можно ли в это поверить? От подобной перспективы при новом способе ведения дел голова идет кругом!). Уже сама неизбежность перемены партнера по бизнесу в случае неисполнения договора – перемена лица партнера на лицо государства – способна дисциплинировать всех участников гражданского оборота. Экономика станет честной, чистой и прозрачной. А бюджет получит от нее не столько средств, сколько удастся выжать, а столько, сколько ему будет нужно для осуществления всех заявленных государством и одобренных обществом программ.

Все это выглядит сказкой. Конечно. Но разве не такой же, какой казалась сказка о ковче-самолете до постройки настоящего самолета?

Каждый может сам продолжить сравнение этих двух моделей содержания государства – налоговой и страховой – и вынести заключение о том, какая из них способна лучше служить обществу. Но несомненным остается тот факт, что первая из них основывается на юридическом «базисе», противоречащем материальному, тогда как вторая предусматривает переписывание юридического «базиса» в корне и приведение его в более или менее близкое соответствие с базисом материальным. Вот в этом обновлении юридического «базиса» и состоит задача нашего времени, задача, решение которой позволит совершить тот экономический рывок, в котором нуждается страна.

Это простые соображения. Но ведь и вся история человечества, при всех пережитых им катаклизмах, проста и умещается в одной фразе: прирост степени личной свободы человека и умения ею пользоваться. С приведенными соображениями можно спорить, можно их отвергать или вообще не обращать на них внимания. Но уклониться от исполнения предписания самой природы – от расставания с последним институтом принуждения, с институтом налоговой системы – все равно не удастся. Этот шаг в будущее неотвратим. И чтобы не споткнуться на нем, не подвергнуть себя риску очередного катаклизма, совершить его хотелось бы осознано. И не так, как это сейчас происходит – а это происходит! – медленно, стихийно, вслепую.

Налоги неизбежны как смерть, полагал Б. Франклин. Он был прав лишь в том смысле, что и то, и другое пользуются одинаковой любовью граждан. Время замены налоговой системы другой, в которой содержание государства станет предметом личной материальной заинтересованности каждого гражданина, пришло. Но нельзя допустить революционного способа ее смены. Она не должна

быть разрушена так, как разрушались в нашей истории иные вековые общественные институты – а это может произойти в случае безрассудного руководства ходом событий. Она вообще не должна быть разрушена или отменена. Страховая модель кормления государства должна вводиться осторожно и постепенно, начиная с этапа ее публичного всестороннего обсуждения. В ходе ее построения каждый «кирпич» должен пройти экспертизу и академического, и предпринимательского сообщества, и закладываться только после одобрения обществом в целом. Технические средства для мониторинга общественного мнения по любому вопросу имеются. Налоговая система должна отмереть сама, безболезненно для общества, отмереть, будучи вытесненной из экономической практики новой моделью. И, разумеется, с полным осознанием тех, не только базисных, но и надстроечных последствий, которые ее упокоение повлечет.

Нетрудно понять, что перемена юридического «базиса» вызовет столь же радикальную перемену во всей надстройке, в частности, перемену формы власти в стране. Общество сделается материально свободным от государства, а государство окажется в материальной зависимости от общества. Вследствие этого оно перестанет быть институтом власти – власть перейдет в руки общества. Общество из скромного «источника» власти переродится в ее полноценного носителя. А государство станет тем, чем оно и должно быть – институтом служебным. Чиновник станет служащим, но не своему начальнику (ему – только подчиненным), а тому, кто сегодня уничижительно именуется «просителем». Государство окажется на деле подвластно воле общества. А обществу не нужно слабое государство. Общество, облекая свою волю в закон, сделает его сильным, в полной мере отвечающим интересам людей, в том числе в деле охраны суверенитета страны, в деле защиты их личной безопасности, обеспечение правопорядка, честного судейства. Оно заставит государство повернуться к себе лицом и сменить на этом лице гримасу на улыбку, когда крепко возьмет его за карман. Только служащее обществу, а не властвующее над ним, государство может рассчитывать на доверие и уважение к нему со стороны общества. Только безвластное государство может быть сильным. Впрочем, разговор о содержании и механизмах перемен в политической надстройке выходит за пределы настоящей статьи, поэтому ограничимся лишь приведенным намеком на них.

Подводя итог, следует признать, что в настоящее время экономической науки не существует. Есть экономика, есть много разных научных учреждений, занимающихся ею, а науки нет. Так обстоит дело во всем мире. Экономическую науку еще только предстоит создать. И начинать придется с самых основ, с теоретического осмысления материального отношения собственности – базиса общества. Сегодня как никогда нужны современные А. Смит, Дж. Рикардо, К. Маркс.

А ближайшей целью, видимо, должна служить разработка программы безналогового финансирования государства. Программы, которая, если будет создана и поддержана обществом, переродит страну, послужит опорой для подлинного взлета ее экономики и сделает Россию светочем свободы для всего мира. Программы, благодаря осуществлению которой Россия продемонстрирует человечеству образ будущего и поведет его к нему.

Как видим, решение простое. Хотим добиться настоящего прорыва в экономике – надо менять представление о ее базисе, менять ее юридическую надстройку. Такое решение кажется утопичным, невозможным? Но ведь величие народа как раз и создается свершением невозможного. А ход истории, если оценивать его реалистично, просто не оставляет иного выбора, кроме как это невозможное осуществить.

Литература:

1. Большая юридическая энциклопедия / А. Б. Барихин. – Москва: Книжный мир, 2010. – 960 с.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Москва, Политиздат, 1955. Т. 3.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Москва, Политиздат, 1959. Т. 13.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Москва, Политиздат, 1960. Т. 23.
5. Цит. по: Лейбниц Г. Соч. в 4 томах. – Москва: «Мысль», 1982. Т.1.